

лочке, переложенные, переработанные и переписанные целиком или в извлечениях, они обрели снова вторую молодость и популярность. Повесть о Бове и история о Петре и Магеллоне сделала на русской почве подлинную литературную карьеру, расцвет которой приходится как раз на XVIII в. Образы, мотивы и сюжеты этих произведений трансформируются, подвергаются эволюции, получают различное наполнение в зависимости от воли писателя и читательских запросов, рядятся порой в дворянско-салонные, агиографические и, что особенно примечательно, сказочно-фольклорные народные одежды, становясь объектом внимания создателей «низовой» (лубочной) литературы и графики.¹³ Русский перевод «Великого зеркала», известный примерно в 200 различных вариантах, пользовался в XVIII в. успехом, как, впрочем, и позднее, не только в широких читательских кругах, но явился источником многих творческих замыслов, послужил фабульной основой ряда произведений.¹⁴ Большая часть из дошедших до нас тридцати русских рукописных вариантов «Фацеций» относится к XVIII в.¹⁵ Именно в эту эпоху популярность «Фацеций» была особенно велика среди писателей (главным образом баснописцев) и читателей, преимущественно из третьего сословия.

В XVIII в. продолжают бытовать, не утрачивая силы эстетического воздействия, и другие произведения древнепольской литературы, а также усвоенные через Польшу «Gesta Romanorum». Достаточно привести один пример. Автор курса поэтики, читанной в Вятке в 1741 г. (поэтики, созданной по образцу киевского издания Л. Горки), включил в нее ряд поэтических переводов с польского, в том числе «Освобожденный Иерусалим» Тассо в переработке Петра Кохановского,¹⁶ что наглядно свидетельствует о неослабевающем интересе в той среде к польской литературе XVII в. и о следовании старой литературной традиции.

Вместе с тем XVIII век оперирует не только достижениями прошлого. Наряду с прежними переводами древнепольских текстов в это время появляются новые, которые войдут составной частью в литературу позднейшего времени. В настоящее время известно два таких перевода.

Первый из них — это книга о Совизжале (Совест-Драле), «переведенная с польского и дополненная с других языков», выдержавшая в XVIII в., как установил П. Н. Берков, пять изданий.¹⁷ История русского Совест-Драла изобилует рядом неясных моментов, как, впрочем, и «польская» его судьба. Можно лишь условно

¹³ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси, с. 228—229.

¹⁴ Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба..., с. 143—148.

¹⁵ Державина О. А. Фацеции, с. 40.

¹⁶ Łuźny R. «Gofred» Tassa — Kochanowskiego na Rusi w wieku XVII—XVIII. — In: W kręgu «Gofreda» i «Orlanda». Książka pamiątkowa Sesji Naukowej Piotra Kochanowskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, с. 119—130.

¹⁷ Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, с. 27 и сл.